

Творчество Анатолия Иванова не связано напрямую с событиями Великой Отечественной войны, когда характер советского человека раскрывался во всей его героической сути. В мае 1941 года будущему автору «Вечного зова» исполнилось только тринадцать лет. Однако сюжеты его остросюжетных произведений как нельзя более свидетельствуют о том, что писатель на протяжении вот уже многих лет стремится к художественному исследованию героических идей и образов в их исторической перспективе. Поднимаемый пласт народной жизни совмещен в его произведениях с широкой социальной панорамой времени.

Об испытаниях человеческого характера выразительно, художественно емко и с жизнеутверждающей силой страсти повествует роман «Вечный зов», обращенный к событиям двух войн — гражданской и Великой Отечественной, где писатель по-прежнему стремится к пониманию глубинного опыта человека и народа, миллионов людей, победивших врага и отстоявших в кровопролитной борьбе родное Отечество.

Сейчас, по прошествии нескольких лет после завершения А. Ивановым романного полотна, замысел писателя предстает во всей своей художественной целостности. Роман охватывает путь длиной более полувека, полный социальных сдвигов и преобразований исторической эпохи: от июньских дней 1908 года, когда в протесте мы впервые встречаемся с юным революционером Антоном Савельевым, и до начала семидесятых годов. Через детство нашей революции, прошедшей суровую школу борьбы и самоотречения, самопожертвования и великого человеческого благородства, позднее выявляются ее вдохновенный пафос и совдательная активность. Это дает читателю возможность еще раз вернуться к истокам рождения революционного характера, осознать полной мерой преемственность высоких идеалов и откровений создателей нового мира, истоки ге-

роизма и социалистической морали, рожденных в огне эпохи и запечатленных писателем с подлинной силой художественного обобщения конкретно-исторических явлений.

События «Вечного зова» с его необычайно острой сюжетной коллизией берутся как бы в двух временных планах, совмещенных между собой, — в их прошлом и в их настоящем. Таким образом, имеется возможность постоянно наблюдать, сравнивать, соотносить те социальные и нравственно-психологические изменения, которые происходят в судьбах и характерах героев А. Иванова. При этом писатель сознательно идет на усложнение литературного материала, биографий своих героев, которые прослежены им на протяжении десятилетий и через которые читатель вплотную соприкасается с биографией страны.

Главный принцип художественной мысли А. Иванова почти всегда составляет противоборство социально-идеологическое. Три брата Савельевых — три человеческие жизни, подвергнутые в романе внимательному художественному исследованию: Антон, Иван, Федор оказываются в самом центре драматического рассказа писателя о судьбе народа на крутых поворотах его истории. Фигуры их, равно как и образы Якова Алейникова, секретаря райкома партии Подкаряна Матвеевича Кружилкина и его сына Василия, геройски сражавшегося в Отечественную войну, председателя колхоза «Красный колос» Павлрата Назарова и десятков других персонажей, как бы вобрали в себя и отразили правду времени, историческую правду великого дела революции. Рисую ступени нравственного взросления своих героев, проводя их через нелегкие невзгоды, писатель избегает уравнивания человеческих характеров на стезе жизни, мышления людей хотя и в равновесии, но ответственном для каждого из них выборе. Сама стержневая ситуация, на наш взгляд, дана автором «Вечного зова» во всей ее драматической сложности и противоречивости, она отражает реальные процессы действительности.

Повеествование А. Иванова является собой художественный анализ сложных жизненных коллизий, анализ, который сочетает суровую правду жизни с ясной идейной позицией автора. Открытая коммунистическая партийность — как пафос романа, его народность — как художественное мироощущение, пронизывают и скрепляют всецело многие сцены и картины повествования, конфликтные ситуации, из которых читатели извлекают уроки общественной борьбы и высокой человеческой нравственности. Постигая диалектику борьбы эпохи, роман «Вечный зов» в

яркой художественной форме отражает закономерности победы нового и убеждает в неизбежной гибели отжившего. Внутренние противоречия характеров, подвергаемых автором обстоятельному рассмотрению, психологический срез социальной проблемы, оказывающейся стержневой в повествовании А. Иванова, свидетельствуют о том, что старое само не уходит с исторической арены и новое утверждается не автоматически, а в упорной схватке с силами, традициями и привычками прошлого. Активное использование автором «Вечного зова» пространственно-временного измерения создает многослойность повествования, в своей эстетике тяготеющего к напряженным ритмам, к сгущенной атмосфере действия, к резким контрастам света и тени.

Характеры, принесшие славу А. Иванову, — это всегда синтез, сила качества, поразивших своей неожиданностью. Амплитуда духовных свойств, объединяющая его любимых героев, исключает стойкость, способность преодолеть любые испытания, преданность великой идее, во имя которой можно пожертвовать и жизнью. Нравственные стремления героев «Вечного зова» проявляются не умоливаемо, а на деле, в социальной активности, внутренней напряженности, преодолении трудностей и собственных человеческих слабостей. Как это можно видеть, писателю в высшей степени свойственны художественный полет и разгадка парадоксов человеческой психологии, равные, «запрограммированные» характеры его не прельщают. И изображает он этих героев не в герметически закрытом пространстве, а в окружении бурной и неоднозначной реальности. Именно историческая реальность в «Вечном зове» дает повод, точкой драматической завязки, разрушает сложившиеся взаимоотношения, собственно внутренний мир людей, которые затем в себе ищут решения терзающих их проблем — в себе и окружающей действительности.

Отличительной чертой изображения бытия человека в сюжете романа А. Иванова является его прочная связь с жизнью народа и страны в ее исторических свершениях. И это вполне понятно, ибо вне общественных связей человека невозможно найти точные краски для характеристики и оценки личности героя, его внутреннего мира, самых сокровенных его побуждений. Автор тяготеет к ситуациям психологически и нравственно сложным, к героям, которые способны активно бороться за свои убеждения во имя торжества правды. Роман А. Иванова отличает нравственный максимализм, доведенный как бы до предельной

остроты и эмоциональной энергии выражения, где «полупота, поансы забыты», где «кровь будет названа кровью, стыд — стыдом и нравственная измена — изменой»¹ и где зримо видно стремление писателя к анализу труднейших вопросов истории, духовно-нравственных и социальных уроков Отечественной войны и послевоенного времени в их целостности и полноте. Напряженные раздумья автора «Вечного зова» об историческом пути народа и социальной судьбе человека, его духовной сути и нравственном совершенствовании, пронизанные гуманистическим философем, охватывают «большое художественное время», или, как еще говорил А. Овчаренко, «романное время», а само прозаическое «перерастает в эпическое повествование о всей нашей жизни, о наших победах и просчетах, радостях и горестях, по крайней мере, за полвека»².

В критике однажды было точно сказано в отношении творчества А. Иванова, что, устремляясь в сибирские просторы, оно являет собой «мир социальной поэзии»³. Это мир трагедийной героики, где прошлое перемешано с настоящим, любовь с ненавистью, богатство с нищетой, отчаяние с надеждой, активность с равнодушием, благородство с извостью, завистью, высокие идеи с духовной пустотой, честность с заведомой ложью, нравственное здоровье с себялюбивой ущербностью, взлеты с падениями человека, смерть с бессмертием. Это мир реальной жизни, взятый в ее закономерных неожиданностях.

В самом деле, кто бы мог сказать, что образы двух братьев Савельевых — Федора и Ивана — получат такое развитие в романе? Кто мог подумать, что бывший красный партизан Федор Савельев станет фашистским партизанином, которого он отчаянно защищал в восемнадцатом году? Кто мог предугадать, что как раз Иван положит конец злодеяниям Федора? Кто из читателей первой книги романа мог взять на себя смелость утверждать, что именно так, а не иначе сложится в дальнейшем драматическая судьба того же Алейникова, Кошкина, Кирьяна, Илютина, жены Ивана Савельева Агаты, сына Федора Семеза, Петра Зубова, наконец, Полизова?.. В то же время сюжетное строение, направленность романа «Вечный зов» позволяют понять эту сложную жизненную мозаику, диалектику разви-

¹ Байгушев Александр. Точка арены. М., 1979, с. 185.

² Овчаренко А. Социалистический реализм. М., 1977, с. 105—106.

³ Лосовов Борис. Мир социальной поэзии. М., 1975, с. 78.

тия большинства положений и человеческих характеров, сложившихся на рубеже «суматошного и кровавого» времени. Что, на наш взгляд, особенно ощущается в случае с Федором Савельевым и его младшим братом Иваном.

«Господи Иисусе! Эх все перебулькала!» — в этом полудувленном, полудиспанном возгласе одного из безмятных жителей сибирской деревушки Михайловки, пожалуй, наиболее точно выражена суть того не поддающегося однозначному определению крутого социального и нравственно-психологического размежевания, которое привнесла с собой революция и которое в дальнейшем прослеживается писателем во всей его противоречивой сложности или, если хотите, в процессе сознательного человеческого выбора.

Надо сказать, тема выбора возникает уже в прологе романа. И весь дальнейший ход действия, и все последующие противостояния — социальные и психологические, характеров и событийные, где одно из главных — Отечественная война, и логика поступков большинства персонажей «Вечного зова» как бы утверждают одну из основополагающих мыслей автора: каждый из людей в пришедшей на его долю жизненной ситуации располагает хотя бы одним достоинством — свободой воли. Свободой в определении своей нравственной позиции, или чести, ибо честь — это и есть позиция. Свободой принять решение, во всяком случае попытаться принять его.

Эта философская теза особенно выпукло и рельефно выступает у А. Иванова в тех эпизодах, где разграничение общественных, классовых сил достигает своего апогея. Железная диалектика революции, прослеживаемая писателем через призму конкретных, индивидуальных судеб, неизбежно втягивает каждого человека в свою орбиту, хочет он этого или не хочет. Революция каждого заставляет сделать выбор, определить свой собственный путь, ясно сказать, с кем он. Каждого! И в этом смысле она не делает различия между такими непохожими друг на друга людьми, как, скажем, старый Салантай и Демьян Ипотин, Кружильня и Полинов, Свиридов и Яков Алейников, Иван и Федор Савельевы...

Противящность событийных ситуаций во времени измеряется в романе «Вечный зов» десятилетиями. Эти десятилетия были насыщены громадными историческими событиями: революционным предгрозем, победой восставшего народа, непримиримыми идеологическими схватками, строительством нового мира и войной с фашизмом. На примере семьи братьев Савельевых автор показывает, что

тот обретает действительное счастье, чья судьба сроднена с жизнью народа.

В революцию братья Савельевы оказались во враждебных станах. Иван — в банде купца Кафтанова, развратника и палача, жестоко мстившего за отнятое добро, Федор — в партизанском отряде коммуниста Поликарпа Кружильни, будущего секретаря райкома партии в Шантаре. Зверства, творимые Кафтановым, заставляют однажды Ивана словно прозреть («в нем проснулся человек»), сделать для себя решительный выбор: он убивает насылника-атамана и добровольно отдается в руки партизан. Суровое наказание за свое пребывание в банде Иван воспринимает как должное. История перековки его характера, данная во времени, не только открывает подлинный облик этого человека, привычного ко всякому труду, но и причины прямо-таки судорожной неапатии к нему со стороны такой своеобразной личности, каковой, бесспорно, является родной его брат Федор.

С какой мукой и с каким чувством соперничания раскрывает А. Иванов этот острейший духовный конфликт между двумя братьями! Исследуя человеческое отношение, такие, как они сложились в преддверии революционной грозы, писатель продолжает идти вглубь, усложняя до предела литературный материал, и превращает привычные понятия. Надо сказать, что уже в прологе, где переплетаются в тугую игу драматические события и судьбы многих людей, автор «Вечного зова» психологически точно показывает, как в душе Ивана нарождается и все более крепнет какое-то внутреннее смутение. Был Иван Савельев при Михаиле Лукиче Кафтанове, «бывшем михайловском лавочнике и первом на всю округу богаче», как говорится, всем — и коноводом, и кучером, и телохранителем. «Он старательно и безропотно нес все обязанности», зато и обещанная плата была велика: давно еще посулил Кафтанов отдать своему работнику, а за ней — восемнадцатый год, Анну, «опалелю», «без памяти» любившая Федора, очутилась вместе с ним у Кружильни, в партизанах. Иван же вынужден был пока довольствоваться словами Кафтанова, скотлившего банду и говорившего «со страшным спокойствием»:

«— Служи, Иван. А ее, Анну, достанем... Кипу ее к твоим ногам. Хочешь — топчи ее до смерти, хочешь — милуй. Дело твое. Слово дано».

Кафтанов, как известно, сдержал свое слово. Старшим Косоротова, бывшего тюремного надзирателя и такого же, как и сам Кафтанов, зверга, Анна была выслежена, схвачена и приведена в банду. Иван, в очередной раз отвергнутый Анной, становится свидетелем такого разговора отца с дочерью.

«...Ежели отпусти, к партизанам опять уйдешь? — спрашивает Михаил Лукич.

— К ним, — подтвердила Анна, разжав наконец губы. Кафтанов задыхался тяжело, на потных висках вздулись вены.

— Я, Анна, власть покинул, ты знаешь, — заговорил он неожиданно тихо. — И водку пил, и баб любил, и властью над людьми шлоло попользовался. Воюю вот теперь, просто сказать, чтобы еще маленько такой жизнью пожить. Ну, а ты за что? Цель-то в чем? Как ты там оказалась, у партизаншек этих? Из-за Федора, что ли?

— И из-за него тоже.

— А еще из-за чего?

— Не знаю. Это не объяснить так легко, в двух словах. — Длинные брови ее нахмурились, потом, дрогнув, развернулись, как крылья, плотно обтянутая шерстяной кофточкой грудь начала быстро, толчками выдыхаться. — Ты жила... Как скотина ты жила. А есть другая жизнь — человечья! Вот... потому и там, в партизанах. Хочу по-человечески жить. И ради этого так... такая кроворуубна идет. Люди хотят на земле человеческую жизнь установить. И установят...»

Горячие и гневные слова Анны Кафтановой, надо думать, не прошли бесследно для Ивана. И если не стали еще последней каплей, переполнившей его душу, то, во всяком случае, оказали на него сильнейшее воздействие. И все же, полагаем, было бы ошибочно видеть в окончательном нравственном выборе Ивана Савельева лишь Аннину волю. Да, Иван любит Анну, готов отдать за нее жизнь, даже больше, чем жизнь, если это возможно. Однако Анна всего лишь один из побудительных толчков к той непреклонности, переступить которую скоро придется Ивану. Иными словами, та «околоверт», что с ним происходила, и, он чувствовал, происходила давно, была следствием прежде всего личных наблюдений младшего Савельева над той жизнью, в которой жил, собственных размышлений и собственных его выводов. Со всех сторон обступили Ивана мучительные вопросы, и среди них — главный: «Как же так оказалось, что плюгавенький мужичок этот в партизанах, брат Фе-

дор там, у Кружилына Поликарпа, и Анна, и даже сын отцовского михайловского старосты Демьяна Инютинна Кирюшка! Им-то двоим как раз надо было быть, у Кафтанова, а ему, Ивану, у Кружилына. А все перенуталось, все вышло наоборот...»

Да, все «перенуталось», «перебулькалось», все идет «наоборот» в той социальной и человеческой действительности, в которую вторглась революция. И постепенно в сознании Ивана прорывалась революция. И постепенно мысль о том, что он совершает какую-то страшную непоправимую ошибку, оставаясь при Кафтанове. «И за что воюю-то здесь? — спрашивает себя Иван и сам же себе отвечает: — Богатство Кафтанову отстоять помогаю. Что мне с того, если удастся отстоять, допустим? Опять в конюхи после к нему идти? Анна, что бы ни случилось, все равно с Федоркой останется. Да и, по всему видно, не отстоять теперь свое богатство ни Кафтанову, ни кому другому, расколосматят скоро его отряд, перестреляют всех, погибнет так и так мне. А за что?»

Скорбно и глубоко звучит размышление Ивана, так, что в этом эпизоде отрывается человек с его трагедией, с его несостоявшейся жизнью. Но не только.

Это в высшей степени приметательное суждение как бы концентрирует в себе те действительные побуждения, реальные причины, что толкнули Ивана к решительному для себя выбору. И важно при этом, что автор романа, показывая составляющие этого выбора, не ограничивается лишь чисто душевным, психологическим потрясением, что в случае с Иваном Савельевым, как говорится, видно: с одной стороны, гибель старика отца, указавшего партизанам Кружилына путь к спасению и повешенного по приказу полковника Зубова, смерть матери, не перенесшей такого горя; с другой — полное безразличие Анны, если не сказать больше. Казалось бы, уже одного этого достаточно, чтобы человек задумался над сутью происходящего, стремился к принятию какого-то решения. Писатель, однако, ставит этот характер в такие обстоятельства, которые не оставляют Ивану Савельеву никакой альтернативы. И главным, решающим здесь оказывается, на наш взгляд, социальное чутье Ивана, которое помогает ему найти выход, выбраться из «силла», умело расставленного Кафтановым. Вспомним, как Иван обреченно говорит пойманному партизану, которого по приказу Кафтанова ведет на расстрел: «Запутался я, брат, до конца, как рыбчик в сил-

ке...» Что «запутался» — то правда, но, думается, не до конца. И здесь, Ивана выручает не только его чутье, но и его человечность. Та человечность, что глубоко, неискоренимо живет в нем и не позволяет надругаться над беспомощной Анной, как и не позволяет Ивану Савельеву расстрелять пленного партизана. Человечность младшего Савельева — источник его силы. Она концентрирует его волю, ибо это не абстрактное добро, а человечность по убеждению. Такая человечность способна отстоять себя от любых посягательств. А ведь исполнил Иван приказ Михаила Лукича — приказ хитрый, коварный! — обогри он свои руки кровью партизана, тогда действительно податься ему было бы некуда. Равно, как если бы совершил по наущению того же Кафтанова и насилие над пойманной Анной.

Надо сказать, что Кафтанов, при всей нестроте поступков, хорошо знает, чего он хочет. Если говорить об Иване Савельеве, то помимо прочего Михаил Лукич стремится отрезать ему все пути отхода, сжечь все мосты к тому обездельному множеству людей, кто бьется за правое дело. Вот почему Кафтанов всякий раз ставит Ивана перед такими испытаниями, что, если бы удалось задуманное, младший Савельев навсегда оказался бы прикованным к бандитской колеснице. Но это одна сторона дела. Другая заключается в том, что руками Ивана Савельева Михаил Лукич Кафтанов пытается свершить то, что сам не смог или не успел выполнить когда-то. Ведь, скажем, выдать Анну за Ивана — для Кафтанова значит не просто еще раз показать свою власть над «людishками», как говорит он дочери, но просто еще раз уверовать в свое ставшее таким призрачным собственное могущество (дословно: хочу — милую, хочу — казано: «Хочешь — топни ее (Анну) до смерти, хочешь — милуй» — так говорит он Ивану), но и окончательно расколоть, сделать необратимым начавшееся в семье Савельевых социальное размежевание, ставшее для этой семьи реальным фактом.

Как повернулось бы дело, будь на месте Ивана кто-то другой, остается лишь гадать. В данном же случае вышла у Кафтанова осечка. Еще и потому, а может быть, прежде всего потому, что большой психолог Михаил Лукич Кафтанов ошибся в природе характера младшего из Савельевых, не учел высокой его человечности. И за эту свою ошибку он заплатил жизнью.

«...Всегда буду помнить, не чья я дочь, а какой я человек, достойна ли этой жизни, — говорит Анна отцу, который пугает ее тем, что путь в новую жизнь для Кафта-

новых закрыт, что «рано или поздно припомнят», чья дочь Анна Кафтанова. И тогда, когда Иван остается лицом к лицу с озверевым Кафтановым, только что свершившим недоступное сознанию нормального человека злодеяние и хладнокровно целящим из маузера в голову Ивана, дабы скрыть все следы разыгравшейся на лесной поляне трагедии, и когда он бьется с ним насмерть, и когда убывает, и тогда — с такой цемидцей нотой все той же незабываемой человечности — негромко роняет зашедшей в крике Анне: «А все равно, Анна, жить надо...», и, наконец, когда, перечеркнув прошлое и сделав выбор, он, внутренне ошотошенный, добровольно является с такой же отрешенной и безучастной ко всему Анной и мертвым Кафтановым в Затькову Балку, завяжут партизанами («Вот вам наш атаман... мертвый только. Вот сам я, делайте что хотите... Пулю — так пулю в лоб...»), — во всем этом Иван Савельев как бы проверяет себя, свой характер на крепость и нравственную стойкость. «Каков я человек?», «Достоин ли этой жизни?» — эти Аннины слова, хотя и обращенные к Кафтанову, но сказанные для Ивана, еще долго будут преследовать Савельева, как и рвущийся крик Анны влотному уводящим Ивана Савельева Кружину, Алейникову и Пашкрату Назарову: «Вы... разберитесь!»

Не дни, не месяцы пролетели, прошли долгие и мучительно-трудные годы, прежде чем до конца разобрались с Иваном Савельевым, как, впрочем, и он сам, памяткавшись, разобрался в себе, найдет силы выстоять в тяжелых испытательных временах. И все бы ничего, да столкнулся Иван, поселившийся с женой Агатай в родной Михайловке, с неприкрытой ненавистью к нему со стороны брата Федора. «Крепла, завязывалась тутим и тяжелым уалом давняя вражда между братьями, рождала догадки и михайловских колхозников, плодила бесконечные пересуды».

Чем же вызвана эта заматерелая с годами враждебность одного брата к другому, давно понятому и прощеному землякам? Только ли бешеной ревностью Федора, много лет подозревавшего Ивана в интимной близости со своей женой Анной Кафтановой, неразделенная любовь к которой в свое время стала причиной обрушившихся на Ивана несчастий?

Трагическим парадоксом, на первый взгляд вроде бы и не совместимым с реальностью происходящего, но тем не менее оказывающимся жизненно достоверным, объясняет писатель главную причину подобного поведения Федора, внутреннее раздвоение личности этого человека, как

мы в конце понимаем, далеко не случайно оступившегося на дороге жизни. Писатель исследует, что происходит с человеком, когда он утрачивает веру в людей, показывает, какие чудовищные опустошения и страдания несет с собой подобное разрушение личности. Да, Федор Савельев был в партизанском отряде, бесстрашно сражался против белых, против царского полковника Зубова и богача Кафтанова. Только все дело в том — и писатель это показывает с большим психологическим искусством, — что сражался он против того, о чем сам страстно мечтал и к чему стремился издавна, «Кафтановщина», истинное лицо которой показано в романе в острокофликтной, сильной точностью психологического анализа манере, еще раньше насколько проясла его душу, прочно вошла в его сознание, овладела всеми его помыслами. Владеть богатством, каким владел Кафтанов, вести дело так, как его вел Кафтанов, поступать так же безнаказанно и безответственно, как поступал Кафтанов, нагаясь над зависимыми от него людьми, — вот предел тайных желаний Федора. И он люто ненавидит и мстит своему младшему брату всю жизнь как раз за то, что Иван, как, впрочем, впоследствии и Анна, проник в его тайну, разгадал и публично назвал но имели тщательно скрываемую им — и от себя самого — душевную «дыру». «Боролся ты за Советскую власть, как же, знаю. Но ты не любишь ее, Федор, — говорит Иван. — Во всяком случае, жалеть, что она пришла. Не принимаешь ее...» И поясняет далее так свою мысль: «Были прорезки у тебя в характере. Жаждоватый был, завидующий, самоуравный. И вот, как говорил Кружилин, когда мы в гостях у Антопа были: смолоду прореза, а к старости — дыра». И заканчивает совсем убежденно: «Слушись сейчас возможность для тебя — ты бы сейчас против боролся». Много позже, когда представилась такая «возможность», сам Федор не скрывает этого. «Почему я у немцев, спрашиваешь? — обращается он к Ивану в последние минуты своей подлой жизни. — А потому вот... это я сейчас понял до конца. Ежели бы у меня была такая дочь, а был бы я на месте Кафтанова Михаила Лукича... Я бы ее, выродка, точно так же... так же!»

Насколько трагичной может оказаться судьба человека, поставившего личные интересы над интересами и принципами общества, считающего, что он может обрести ценой предательства то, что не сумел получить когда-то, — эта жизненная ситуация в образе Федора Савельева воплощена с подлинным реалистическим откровением.

История падения Федора Савельева, принесшего столько несчастий своим близким и кончившего позорной смертью, началась давно, еще до революции, в те дни, когда Кафтанов имел силу, богатство и почти неограниченную власть над жителями Михайловки. Изображенная в четком контрасте и в неразрывной связи с все более усложняющимся временем, эта история духовного обнищания человека дана писателем в двух планах — прошлом и настоящим, совмещенных между собой.

Где, когда, в какой час Федор Савельев пошел на сделку со своей совестью? Может быть, в тот раз, когда «прорезал» Кафтанову беспутную Лужку? Или тогда, когда уже был готов сказать жандармам, где прячется беглый Антон? А может быть, раньше, когда молчаливо ждал судьбу за внезапное появление на Огневской зимке, куда премежами наезжал бражничать Кафтанов, старшего брата — «политического», который своим вторжением — чуяло Фельдино сердце! — разрушил его так поначалу удачно складывавшуюся жизнь? И конечно, в тот осенний непогожий вечер, когда деревенский староста и приказчик Кафтанова, его доверенное лицо, одиозный Демьян Илютин наказал ему шпионить за одиосельчанами и Федор под конец согласился — за плату.

Как бы там ни было, встреча с Кафтановым определила в конечном счете его судьбу, дальнейший его жизненный и нравственный, а точнее, безнравственный выбор. Не было в Федоре изначально того крепкого «человеческого стержня», что не дал бы развиться трагической искривленности его характера. Да и, по всему видно, он никогда и не пытался этот «стержень» найти. Как Иван, например, которого жизнь изрядно «поломала», «с хрустом... побросала на сторону и сторону, покатала, как на грамотухинском шивере струя камня катает, или как Яков Алейников. Не прислушался Федор и к мудрым словам Кружилина о том, что «рано или поздно» человеку необходимо задуматься «над сутью и смыслом бытия, жизни окружающих его людей, общества и над своими собственными делами и поступками». В противном случае — по пословице: «смолоду прореза, к старости — дыра». Пронел он и мимо слов старшего брата Антопа, все еще не теряющего надежду на духовное исправление Федора: «Если человек по должности своей человек, то обязательно рано или поздно все будет хорошо...»

Автор «Вечного зова», рисуя острокофликтные, напряженные по своему драматизму ситуации, эпизоды, далек от того, чтобы подменять действительную сложность челове-

ческого характера какими-то умозрительными построениями, искусственной драматизацией обстоятельств, в которых действуют персонажи романа. Усложнения, на которые он идет, скажем, в образе Федора, объективированы самой реальностью. А два временных плана, в которых рассматривается личность Федора Савельева, как, впрочем, и других героев повествования, позволяют нам, читателям, глубже понять и поверить, в логику развития характера Федора, в социальное и духовное перерождение личности его, где одно преступление с неизбежностью влечет за собой другое, а нравственное очищение испуги сложившейся ситуации, из ее собственных глубин наступить не может, для него просто не остается места.

«— А вырастешь ты, должно быть, хорошей сводочью,— обращается пронзительный Кафтанов к юному «смотрителю» своей замки на Огневских ключах. — И чем-то, должно быть этим самым, ты мне глянешься пока». «Я кого полюбил, все для него сделаю! В сыновья тебя, если хощь, определю,— начинает Кафтанов свою *игру* с Федором. — ...Жизнь могу открыть тебе».

Поначалу кажется, что Федор по молодости лет навзничь полагает, что Кафтанов выведет его в люди, откроет дверь в ту жизнь, которая его одурманила, вала в плен. «А что, батя, ежели и вправду?.. — раздумчиво пытает он старика отца. — С его-то (Кафтанова) помощью да и вправду можно как-нибудь зацепиться», — повторяет Федор все более уверенно, наконец, чтобы уверовать прежде всего самому в реальную возможность сказанного. И холодным духом окатили его разгоряченное воображение слова умудренного опытом жизни Силантия: «Обрадовался крохе, да ковригу потерял».

Однако отрезвляющие слова отца, как видно, пали не на ту почву. Жажда обогащения и всего, что с ним связано, уже вошла в сознание Федора. «Ведь сказал же он (Кафтанов) зачем-то: в сыновья, заслужить если, определю», — настойчиво объясняет он старому Силантию, стремясь перетянуть отца на свою сторону, сделать единомышленником, помощником и пугающим своей неизвестностью будущим. И здесь, надо сказать, следует внешне неожиданный для нас, но, думается, закономерный для Федора поворот. «Я с первой минуты понял, что... Кафтанов со мной играет», — говорит он отцу. — Но я его переиграю».

Это признание Федора симптоматично, по крайней мере, по двум причинам. Оно дает нам возможность увидеть Федора Савельева в совершенно ином свете: не навзничь

юном, стремящимся заслужить доверие Кафтанова и не осознающим еще, что за это доверие нужно платить потерей людского своего обличья, а человеком хотя и молодым, но с головой трезвой и холодной, не по годам расчетливым, заранее кивающим каждый свой шаг, поступок. И еще запомнится, прямо-таки настораживает его вызывающее стремление переиграть Кафтанова — хитрейшего из хитрых.

Что это — спросим себя, — обычная самонадеянность, свойственная молодости? Затянутое ли желание стать хоть кем-нибудь выше самого Кафтанова? Природная необузданность характера? Или начавшее уже в душе Федора и быстро разрастающееся стремление к вседозволенности, сделавшее его человеком ненавистником?

Было бы, очевидно, слишком смело однозначно ответить на то, что решающим образом определило собой падение, нравственное разложение Федора Савельева, развратило его духовно. Но на одну из ранних причин мы укажем, тем более что в самом тексте романа на этот счет имеется показательный эпизод. Это когда Михаил Лукич Кафтанов, пытаясь до конца понять, что за «суть человек» вырастает из среднего сына Савельевых, проводит с Федором, по сути, один из тех же экспериментов, что и позже с Иваном. Речь идет о том дне, когда Кафтанов привез на замку Лушку Кашкарову. И Федор, как это психологически выразительно показывает автор, с «честью» выдерживает трудный экзамен на бесчеловечность. Лукерья да и сам Федор понимают, что они игрушки в цепких руках Кафтанова. «Пожалей меня, Федор... Они балаган устраивают...» — молит Лукерья науськиваемого хозяином работника. Не ведала, однако, Кашкарова, кого просила о милосердии. Он «схватил Лукерью за волосы, бросил на землю. Сверная огонными ногами, она покатила по траве. Федор выхватил из-за голенища плеть и принялся остервенело хлестать ее по этим голым ногам, по спине, по голове. На дома пьяно заулыбокались, закричали, заспятили. Лукерья хотела встать, но снова упала, сжалась, укрывая голову, и только вадрагивала под его ударами...».

В тот день Федор Савельев превзошел по жестокости своего хозяина.

Именно жестокость, проявленная Федором в отношении Лукерьи Кашкаровой, заставляет Кафтанова посмотреть другими глазами на своего старательного «воспитанника», несколько «перестроиться» в той игре, которую он было начал вести с Федором. Ибо Михаил Лукич видит, что Федор — это не Поликарп Кружилин, из которого он испод-

воль пытался сделать замену одному Демьяну Ипютину. Но тогда его насторожила «резь» в глазах Поликарпа. Теперь Кафтанов настроен более оптимистично: Федор вышолпил первый «урок», и — что главное — нету этой пугающей «резь» в глазах Федора, как ни присматривался к нему хозяин, а лишь беспредельная преданность. И он решает на серьезный с ним разговор. «И, Федьша, тебе так скажу, уже не по пьянке, а на трезвую голову, — говорит Кафтанов. — Что усвоила» тебя, этому не верь... Но человека на тебя сделать могу, ежели верой и правдой служить будешь».

Недолго пришлось Михаилу Лукичу Кафтанову «делать» на Федора «человека». Неожиданный для обоих случай развеял их, кажется, навсегда. Но в то же время, что находилась Федор при Кафтанове, оказалось достаточно, чтобы губительный яд пьяницы, вседозволенности проини в сознание его. И даже тогда, когда Федор Савельев стал волею обстоятельств партизаном, когда банда Кафтанова была наконец рассеяна и в ноябре девятнадцатого года сыграли партизанскую свадьбу — Федора и Анны, даже тогда «мутно чудилось Федору: что-то не так в этой свадьбе, то ли веселья не хватает, то ли, наоборот, чуток лишку его; то ли слишком рано, неуверенно затеялась его женитьба, то ли, наоборот, слишком поздно. Что-то было в этой его с Анной свадьбе не вседелашнее, — замечает автор, — будто из всего веселья вынули душу, а остались одни звуки, из вина и самогонки выщелили всю радость, а остался один едкий хмель...» В то же время, молчаливо наблюдая происходящее, Федор уже тогда интуитивно чувствует, сознает, что «все на месте было бы — и радость в свадебном питье, и душа в музыке, — выдай свою дочь Кафтанов за него, как мечталось когда-то, но-обыкновенному, сиди он, се — лет, сейчас тут, хмельной и радостный...». Но, ушедший памятью в прошлое, знал Федор Савельев, что никогда не будет Михаила Лукича Кафтанова. Как и его богатства, к которому он, Федор, боясь признаться в том себе, всякий раз вожделенно стремился. И это воспоминание о невозвратно ушедшем продолжает терзать его душу, еще больше подталкивает кнутри повзрослевшего Федора Савельева.

Спустя много лет, когда доведенная до отчаяния Анна поймет наконец, с кем сплела судьбу, она предельно точно выразит то главное, что обернулось для Федора непоправимой личностной трагедией: «А что от богатства нашего дым один остался — это тебя и точит всю жизнь, как червяк дерево...», «И отца моего ты жалел, которого Иван застрелил. А брата своего за это и ненавижу...» За то, что оном-

нился он, Иван, перешел к партизанам, понял, где правда... Ты метишь ему за это всю жизнь...», «Все, все правильно Иван сказал про тебя: не любишь ты никого — ни меня, ни детей, ни жизнь эту, ни власть, никого. И себя, должно, не любишь! Зачем тогда ты живешь-то? Зачем?»

Анна яснее, чем кому бы то ни было, видна внутренняя, моральная несостоятельность Федора. И вопрос, обращенный к мужу: «Зачем тогда ты живешь-то? Зачем?» — этот дважды повторенный ею вопрос, крик истерзанной страдающей души, — для нее самой звучит чисто риторически: Анна теперь твердо знает, что Федор не просто запугавшийся, запугавший человек, он для нее средоточие того личностного эгоизма, извращенности и бесчеловечности, что так принципиально заявляли о себе и Кафтанове, ее отец, и с которыми она вступила в открытую бесшадную борьбу в революцию.

«А что от богатства нашего один дым остался — это тебя и точит всю жизнь...» В запоздалом прозрении Анны, пожалуй, заключены и причина, и следствие тех перерожденческих начал в душе Федора, счет которым начался не сегодня и даже не вчера, а в далеком прошлом. Вместе с тем духовная противоположность Федора Савельева Анне, брату Ивану, той самой жизни, за которую он проливал кровь в годы гражданской войны, не может быть сведена к чему-то навсегда застывшему, неподвижному. Несмотря на, казалось бы, вполне устанавливающую в нем, закаменную с годами категоричность оценок и поступков, хотя и ложных в своей основе, утраченных чувство реальности, характер Федора, как это можно видеть, продолжает неуклонно эволюционировать, приближаясь к той роковой для него черте, пределу, за которым жизнь человека безвозвратно теряет всякое нравственное содержание. Но, признавая это, очевидно, следует признать и тот факт, что образ Федора — как бы ни был он подвержен бацилле собственничества — не есть лишь олицетворенная социальная тенденция: это в высшей степени художественный образ, живой человек, человек с сильным и решительным характером, раздираемый противоречиями и по-своему пытающийся оправдать то, что оправдать невозможно.

Вспомним, например, как после трагической гибели старшего брата Антоана — в годы войны директора оборонного завода в Шантаре, — ценою своей жизни спасшего завод от взрыва, Федор мучительно размышляет над словами Кружилкина у могилы друга. «Антон Силантьевич Савельев любил жизнь, любил людей, — говорил в ту скорбную минуту

пропаляя коммунист Поликарп Кружалин. — Тюрмы, каторги, ссылки только укрепляли эту любовь, потому что он знал, зачем он жил, во имя чего... Если бы дать ему еще одну жизнь, он прожил бы ее так же... И так же сознательно пошел бы на смерть, спасая людей... во имя людей и жизни...» Эти кружалинские слова об Антоне — «он знал, зачем он жил...» — невольно вызывают в памяти Федора другие слова — Липины, больно бывшие по его самолюбию: «Зачем тогда ты живешь-то?» И вот — редкая для Федора минута отрешения, попытка взглянуть на себя со стороны, осмыслить прожитое и пережитое. «А зачем действительно? — подумал вдруг Федор. — И — как?!»

Другой, возможно, и утаснулся бы той гибельной бездне, провалу, перед которым очутился. И может быть, за этим отрешением последовало бы духовное преображение. Однако писатель в этом драматическом раскрытии характера остается верен художественной правде и правде жизни. Если бы даже и хотел, Федор уже не может сердцем возвратиться к тем, с кем когда-то дрался заодно против богача Кафтамова. Последний был не только скор на расправу, но и, как видно, обладал способностью поселять в таких, как Федор, устойчивые, разъедающие душу, как ржа, узкокогнитивные стремления. И как бы ни ненавидел Федор того Михаила Лукича Кафтамова, по приказу которого нещадно, до полусмерти били его плетями, позорили, бесславили припародно, сама пропавшая жизнь, отравы которой хлебнул когда-то, продолжала чудовищно мучить и себе Федора. Еще и потому, быть может, что, скрытая плотной деловой внешностью, она представлялась сегодняшнему Савельеву — в силу ее недоступности — пределом заветных желаний. «Да, да, — признается наедине с собой Федор, — жалеет он обо всем! И что Кафтамов Михаил Лукич погиб безвременно, и что от богатства его один дым остался. Да, точит это его всю жизнь, как червяк точит дерево, как водяная капля точит камень-гранит. Точит, выедает в сердце самые больные места...» Воистину, как писал Н. Потапов, «мертвый хватает живого...»¹

Сохраняя на всем протяжении повествования форму «возвращения в прошлое», автор «Вечного зова» вскрывает истоки подвига и предательства, любви и ненависти, духовности и бездуховности в их исторической предопределенности. Из темы выбора в романе А. Иванова возникает тема предательства. Выбор, когда он сделан в точке критической,

определяет координаты личности, человеческой судьбы. И каждый из героев А. Иванова проходит этой гранью, обмякая свою подлинную, а не кажущуюся суть. Федор Савельев, так и не познавший новой жизни, как помним, становится в годы войны принудительным немцем. Его веза вовсе не жажда выжить любой ценой — ставкой, о которой в данном случае шла речь, была не жизнь, а все то же подспудное желание Федора Савельева обогатиться, все то же стремление его к вседозволенности. В этом смысле роман А. Иванова еще раз предупреждает: начало предательству кладет компромисс с собственной совестью. Когда человек сделал одну-единственную уступку себе — и все. И ему уже не остановиться. Именно так произошло с Федором Савельевым, болезненную фантазию которого разжигает ненависть. Замкнулся круг, и холодом судьбы отщепенца повеяло со страниц романа.

Далеко от родного дома вновь сошлись лицом к лицу Иван и Федор Савельевы. «Братья по крови, враги по духовной сути. Как и в годы гражданской войны, жизнь увела их в разные лагеря. Только на этот раз они поменялись ролями. В том, что произошло с этими людьми прежде, немало было от игры случая, от плохого знания самих себя, от хмея молодости. Теперь за делами и помыслами каждого — логика отстоявшихся характеров, опыт прожитых лет. Иван Савельев, которому в юную пору выпала участь ходить в телохранителях Кафтамова, а потом собственноручно же и казнить последнего, обнаружил в окопах Сталинграда всю скрытую мощь своего характера, всю силу своего патриотизма. И так будет суждено, что очередью из своего автомата он подведет черту под ничемной жизнью Федора, ставшего сторожевым псом фашистского прихвостня Лахновского...»¹

Автоматная очередь, взрешетившая Федора, — это не только справедливое возмездие Ивана за личные невзгоды, несчастья, больно придавившие его, муки Анны, трупы трех партизан, только что убитых братом-предателем. Это еще, и, может быть, прежде всего, окончательный приговор «кафтамовщине», посетелем которой выступает в романе Федор и которая страшна своей античеловеческостью. И глубоко знаменательным представляется тот факт, что именно Иван Савельев дважды казнит «кафтамовщину» — и тогда, в гражданскую, и теперь вот, в Великую Отечественную войну. Иван, сделав когда-то сознательный выбор, раз и на-

¹ Потапов Н. В потоке истории. — Правда, 1978, 5 февр.

¹ Потапов Н. В потоке истории. — Правда, 1978, 5 февр.

всегда определил для себя позицию, считает своим долгом сражаться за них до конца. Решительный поступок Ивана Савельева свидетельствует не только о его внутренней силе, гражданском мужестве, большом чувстве Родины, что неискоренимо жило в нем и помогло выстоять в годы тяжелых испытаний, но и его высокой человечности, нравственной высоте его характера, с особой силой проявляющихся в драматических и сложных обстоятельствах времени.

Но сила А. Иванова не только в том, что он дает нам возможность увидеть социальные пагомы жизни, и не только в том, что он показывает бегство страстей в самом человеке, когда малейшее движение в ту или иную сторону предельно обнажает человеческую душу в истинной сути своей. Художественная и социальная зрелость писателя-гражданина, избравшая в себя личный и общественный опыт, сказалась в первую очередь в том, что исторически предопределенное движение народа он закономерно связывает в своем повествовании с образом коммуниста как центром борьбы эпохи, человеком социально активного действия и большого настоящего чувства. Крепкие душевные контакты связывают между собой коммунистов А. Иванова, в чьих характерах как бы сконцентрирован дух революции, ее энергия и обновляющая, созидательная сила. Субботин, Кружкин, старший Савельев, Назаров Панкрат — все они самоотверженно преданы своему делу, видят в работе на благо людей главное содержание своей жизни; про каждого из них можно с полной уверенностью сказать, что он мыслит новыми моральными категориями, сформировавшимися в социалистическом обществе.

Крупные, сильные, полнокровные личности, которым партия доверила «самую главную» линию обороны, прошедшую через людские души, ту человеческую правду, во имя которой жил и погиб Антон Савельев, его первый наставник Григорий и многие тысячи других, действуют в романе «Вечный зов» и помогают глубже осмысливать социальные и нравственные идеалы народной жизни. Расуд «глубины народного бедствия» в годы войны и послевоенную пору, писатель показывает, что именно коммунисты — Субботин, Кружкин, Антон Савельев — оказываются теми людьми, кто способен видеть и понимать «истинные начала жизни», обозначающие непримиримые идеальные, социальные, нравственно-психологические и все другие рубежи нашего века.

Автор романа силой искусства убеждает нас, что разломы времени, нравственные законы его, сама живая жизнь,

которая разворачивается в повествовании без преувеличенного пафоса и псевдоэпической подчеркнутости, требуют от человека каждый день определенных решений, так что если он откладывает, отодвигает в сторону принятие их, то выбор, чем дальше, тем труднее. Художественная максима, с какой герои «Вечного зова» всякий раз обнажают свою действительную суть, сообщает действию романа необходимую напряженность, содержит острые ситуационные моменты. И главное, позволяет писателю изнутри рассмотреть изображаемые характеры, в ходе событий обретающие утраченную было веру в себя (Анна, Иван, Кирилл Ишутин, Петр Зубов), показать, как возвращается к ним надежда, вера в людей. Исследуя обстоятельства жизни и работы своих героев в руслах эстетики реалистического анализа без гротеска, без ступения сатирой и так далее, автор «Вечного зова» показывает закономерность всех этих характерологических превращений, совмещенных с ярко выраженной индивидуальной их окраской. С большой художественной достоверностью писатель изображает своих героев — крестьян и рабочих, воинов Советской Армии, показывая испытание их характеров в революционной борьбе, в годы мирного строительства и Великой Отечественной войны, в самоотверженном труде при строительстве оборонного завода в военное время.

Автор «Вечного зова», показывая картины заводского труда в годы войны, героические будни, энтузиазм десятков и сотен ридовых тружеников, когда лишь невероятным людским напряжением могло быть сделано то, что было сделано, художественно выразительно воссоздает ту реальную повседневность, где личное и общее как бы переплавлено воедино. В то же время герои «Вечного зова», поставленные самой жизнью в ситуации особого свойства, не замыкаются в границах одного какого-то переживания, связанного с их непосредственной работой для фронта, а продолжают постигать окружающий мир во всей его многогранности. Это происходит оттого, что личное и общественное начала в героях романа А. Иванова тесно переплетены между собой. Гражданское чувство их рождается в недрах души, оно становится глубоко личным.

Любовь и ненависть в романе А. Иванова идут всегда рядом, одно рождается из другого. И здесь нет противоречия, потому что истинное чувство к родной земле рождает в героях «Вечного зова» ненависть ко всему, что мешает полноте ее бытия, человеческой справедливости. Жизнь и смерть, лояль и гражданское мужество, сытость и жажда

борьбы, дела — эти непримиримые, взаимоисключающие друг друга понятия не только предельно обнажены в повествовании, но и всякий раз даются в преддверии неизбежной схватки. И в этом, бесспорно, одна из сильнейших сторон романа, для героев которого органична мысль о неразрывном сплетении жизни и действия с борьбой. Идеино-художественная прямота, с которой нередко выражен у А. Иванова призыв к действию, в то же время не отменяет внутренней сложности героического характера в его конкретно-социальных проявлениях.

В жизни, как ее показывает А. Иванов, нет места тем разрушительным силам, которые пытались повернуть вспять революционное движение народа. Их выбор не просто ложный, они вырожденцы, ибо начисто лишены связующих с землей и народом корней. И как бы они ни хитрили, какие бы планы ни строили, ни свершали темные дела, чтобы войти, как, например, Полипов, в эту жизнь, их ненависть к окружающим — это бессильная ненависть к Советской власти, коммунистам. Распад этих личностей, начало которому положил Октябрь 1917 года, достигает своего апогея, когда рвется родственные связи и отцы лишаются своих детей, не только отвергающих психологию родителей, но и исполненных страстью активной борьбы против мерзостей старого мира.

Право на жизнь остается за такими людьми, как Кружикин, Панкрат Назаров, Савельев Иван... Все они — носители нравственной чистоты народа, его патриотизма, выразителя его кровной заинтересованности в судьбе родного края. Они — собиратели, люди, живущие на своей земле, щедро полившие ее потом, а часто и кровью. Они выросли в эту землю всеми своими корнями, они прикрепили к ней сердца, растут на ней хлеб, хорошо знают горькую его сладость. Последовательно проводя своих героев через тяжелые жизненные и нравственные испытания, А. Иванов ярко показывает тишину их судеб, сходность с миллионами судеб простых тружеников, из которых сложилась и благодаря которым выстояла новая Россия. Их судьбы как бы вобрали в себя и отразили весь тяжкий смысл постижения земли, жизни, который характерен для героев А. Иванова, пронизывает и скрепляет всю народную толпу в его объемном повествовании. Их героизм — это героизм идеи, веры и устремленности. И еще это нравственный героизм, заставляющий того же Субботина без всякого душевного колебания спешить на выручку Кружикину, Панкрату Назарову верить Ивану, а Якову Алейникову пересмотреть свою по-

эйдню, кровью искупить те большие ошибки и заблуждения, во власти которых он находился когда-то.

Фигура Алейникова, являющая собой героический характер в трагических обстоятельствах, которые не сломали его, бесспорно, одна из самых сложных и противоречивых в романе. «Изобразил сложность и противоречивость драматического момента истории, пережитого партией и народом, Анатолий Иванов с присущей ему контрастностью в воспроизведении конфликтных ситуаций показывает, как одно и то же явление действительности порождает, с одной стороны, истинную трагедию, а с другой стороны, отводит кару от предателя, который прикрывается доктриной усиления борьбы с врагами нашего строя», — пишет В. Леонов, анализируя в своей монографии образы Алейникова и Петра Полипова. — Анатолий Иванов достигает огромного драматизма, показывая, как антагонисты — Яков Алейников и Петр Полипов — оказались союзниками. Беспредельно преданный Советской власти Яков Алейников, возглавлявший райНКВД, стал орудием в руках случайно очутившегося во главе райкома партии Полипова, который, боясь разоблачения своего прошлого, через Алейникова расправился с кадрами честных партийцев. По его навету, в частности, Яков арестовал своих боевых друзей Кошкина и Засухина. Это серьезное душевное потрясение заставило Якова Алейникова многое передумать, взвесить, оценить»¹.

Все более глубокое постижение сложных причин действительности, настойчивый поиск выхода — вот куда устремлена мысль Алейникова, в воспоминаниях и думах которого порой с контрастной неожиданностью возникают человеческие лица и события, свидетелем, а вернее, вершителем которых был он сам.

Открытая конфликтность образа Алейникова многопланова по изобразительной и типологической структуре. Сосредоточенность, весомость чувства и мысли — вот главное, что примечательно в этом все время движущемся к познанию истинно сложном человеческом характере. Если, как справедливо отмечает В. Леонов, в образе Ивана Савельева наша свое яркое воплощение одна из важных общественных и литературных проблем времени — «доверие»², — то в образе чекиста Алейникова писатель показывает суть того душевного человеческого искривления, которое явилось

¹ Леонов Борис. Зов жизни. Очерк творчества Анатолия Иванова. М., 1979, с. 188.

² Там же, с. 203.

следствием известного периода нашей истории. Личность и судьба Якова Николаевича Алейникова, образ которого обладает в сюжете романа большой художественной активностью, содержат истинно драматический конфликт, вокруг которого выстраивается целый комплекс проблем, вопросов о характере мпущего времени, о границах между нравственностью и долгом, о роли личности в истории, об отношении к закону и т. д. Трагедия Алейникова, на наш взгляд, состоит в том, что он, обладая высокими данными и будучи внутренне уверен в правоте и необходимости совершаемого им, на деле становится нарушителем социалистической законности. Трагедия Алейникова заключается также и в том, что, прозревая духовно, он не в силах изменить те негативные реальные обстоятельства, под прессом которых очутился на длительное время и которые способствовали нравственной деформации его характера.

Автор, повторяясь, в качестве основного объясняющего фактора выдвигает здесь фактор объективный — преобразующую реальность, саму динамическую материю истории, требующую новых реакций и связей. Но такая смысловая направленность составляет не итог, а лишь часть авторских раздумий о конкретной судьбе человека и его времени. Главная мысль писателя, устремленная к заботам социального преобразования жизни, как бы говорит о том, что жизнь продолжается даже и тогда, когда ей что-то угрожает, стало быть, продолжают действовать нравственные обязательства и духовные потребности личности и общества. Что человек, если он заряжен нравственным беспокойством, и в неблагоприятных для себя обстоятельствах способен на деле доказать полноту своей личной ответственности за право называться человеком. В этом смысле политическая и социальная проблематика «Вечного зова» обогатилась, на наш взгляд, проблематикой психологической, моральной, философской. Не поддающиеся однозначному определению действия и эмоции героев романа А. Иванова вошли составными в их мироощущение и мировидение наряду с так называемыми «вечными» индивидуальными проявлениями. А проблема человека в строгом смысле поднялась до ранга общегуманистической.

Говоря об образе Якова Алейникова, хотелось бы привлечь внимание к тому месту повествования, где автор раскрывает сложное и мучительное дилемме своего героя и духовному преобразению, к пересмотру им прежних ценностных понятий, к тому решительному выбору, когда в нем, если воспользоваться словами мудрого Василия Степано-

вича Засухина, «заговорил, начал брать верх голос разума...». Было бы ошибочно думать, что таким рубежом для Алейникова явилась начавшаяся Великая Отечественная война. Ведь опыт войны был не первым его опытом, драма войны — не первой его драмой; за плечами чекиста Алейникова, когда он уходил на фронт, уже была целая жизнь, сложная и трудная, — все было. Более того, в нем уже свершился мучительный нравственный выбор, он-то и делает возможным для Алейникова постижение той социальной истины, простой и неизмеримо сложной одновременно, что светом правды озарила его сознание и укрепила его волю и страшный предсмертный час.

Уже в финале романа раненый Алейников, схваченный гандероцами, говорит их главарю Валентину, уготовившему ему небывалую по жестокости смерть: «Один умный человек мне объяснял когда-то, что добро и зло извечно стоят друг против друга. Это великое противостояние, говорил он. И между светом и тьмой, истиной и несправедливостью, добром и злом идет постоянная борьба — страшная, беспощадная, безжалостная. Не очень так-то тогда и дошли до меня эти слова. Обычная и общая, мол, философия. Но постепенно стал понимать и понял в конце концов — не обычная и не общая... Словно прозрел я и увидел — борьба эта между добром и злом идет постоянно и во всех формах, большей частью скрытых. А с лета сорок первого началась в открытую, врупкопанную... Началась война не простая. Не просто очередная война. Не просто одна фашистская Германия повст с нами. Все мировые силы зла и тьмы решились, что пришел их час, и бросили в бой... обрушили на нас всю свою мощь... И ты, Валентин, один из зловещих солдат этой злобной и мрачной силы... Но рано или поздно всей вашей силе... всем вам придет конец!.. Придет конец!»

Валентин слушал все это, казалось, с интересом; он то почесывал потную грудь под грязной рубахой, то прекращал свое занятие, глядел на Алейникова, привязанного к косякам, исподлобья, холодно и злоеюще, но все равно ожидающе.

— Ну, так... — шевельнул он недавно выбритыми, а теперь снова заросшими жестким волосом губами. — Что же еще ты понял?

— Что еще? — переспросил Алейников. — Вот еще что... Сложное время было у нас после революции. Нелегко было наладить новую жизнь. И такте, как ты, Валентин, все делали для того, чтобы такте, как я, отшибались...»

Дорогой ценой заплатил Яков Николаевич Алейников,

как, впрочем, и другие герои «Вечного зова», за свой выбор в великом лишенном противостоянии. И если проследить весь путь Алейникова — от той его временной границы, когда «жизнь начиналась легко и просто, мир делился на друзей и врагов, как сутки делится на день и ночь», и до последнего боя с бандеровцами, когда майор госбезопасности Алейников сознательно пожертвовал собой, чтобы уничтожить банду Валентика, — то на этом пути, вместилищем в себя большие ошибки и большие страдания и даже трагедию человека, мы увидим немало такого, что не прошло, не могло пройти бесследно для Якова Алейникова, способствовало тому душевному перевороту и перевороту в сознании, что позже случился в нем. И все же если мы будем отыскивать на этом пути ту самую точку, которая и стала отправной, поворотной в его человеческой биографии, то мы, очевидно, придем к последнему разговору Алейникова с председателем райпотребсоюза Василием Засухиным, арестованным им, Алейниковым, в конце тридцати восьмого года.

Но прежде хотелось бы привлечь внимание к одному важному обстоятельству, которое, на наш взгляд, способно еще резче высветить характер Алейникова в переломный для него момент, в преддверии трудного, но единственно верного выбора. При этом имеются в виду сны, в которых Алейников, активный боец Советской власти, преодолевает свои жестокие заблуждения, разрывает в конце концов, казалось бы, навсегда уже замкнувшийся круг и возвращается к людям.

Рисуя волевою и решительную фигуру Алейникова в драматических коллизиях времени, когда он, стиснув зубы, в самом себе пытается найти силу перенести то, что не в силах изменить, писатель в один из наиболее кризисных для своего героя душевных моментов подводит его к такому пределу, дальше которого ничего нет. Как раз тогда, покаывает автор, и пришли к Якову Алейникову «мысли о самоубийстве», со всех сторон обступили его мучительно тяжкие вопросы, на которые он, как ни бился, не в состоянии был дать прямые и четкие ответы.

Минует еще немало времени, прежде чем Алейников, такой упрямый и неуступчивый, наово оценит прошедшее и по-настоящему найдет себя. В финале романа мы становимся свидетелями «звездного часа» судьбы героя А. Иванова: он погибает, как и подожжено воину, мужчине, уходит из жизни настоящим человеком. Но это случится позднее, уже на войне, где Яков Алейников, пройдя проверку на чело-

вечность через испытание огнем, всеми поступками, личным бесстрашием и отвагой подтвердит героическую сущность своего характера. А тогда, повторим вслед за автором, «все усложнилось, все как-то запутывалось в его жизни». И Алейников решился на самоубийство.

«Никто не знает, — читаем горькие строки повествования, — сколько... Яков Алейников провел бессонных ночей, сколько раз он и в полночь и под утро вставал с вмятой постели, противно дрожащими руками вырывал из кобуры обжигающий холодным металлом пистолет и, подержав в кулаке до тех пор, пока рукоятка не нагревалась, швырял его обратно в кобуру или совал под подушку, чтобы, на всякий случай, он был поближе, под рукой».

Рисуя сильнейшее душевное потрясение Алейникова, автор романа, как это можно видеть, предельно четок в художественной мотивации тех реальных причин и следствий, влияющих на нравственный выбор героя, что названы Засухиным в разговоре с Алейниковым, арестовавшим его. Как раз презрение Засухина, в котором таились одновременно и равнодушие, и боль, и предостережение, и было, пожалуй, той силой, что удержала Якова Алейникова от рокового шага. «Стрежься» — так говорит Засухин под самый конец их трудного разговора, подсознательно чувствуя, что Алейников на пределе, «и боль, застрявшая в уголках его рта, смешалась с откровенным презрением. — Только запомни: это будет самая большая глупость, которую ты сейчас, именно сейчас, сделаешь...»

Разговор Алейникова с Засухиным настолько важен для уяснения всей совокупности взглядов и переживаний Алейникова, да и последовавшего за этим духовного его выпрямления, что нельзя не привести хотя бы отдельные места из него. Вспомним первые слова, оброненные Алейниковым, как бы обращенные к самому себе, после того как Кошкина увел из кабинета и он остался с глазу на глаз с Засухиным, который незадолго до этого, еще при Кошкине, так недвусмысленно определял сложившуюся ситуацию: «Судьба, видать, определила каждому свое: кому — песни петь, кому — за горло певцов душить, забивать песни обратно в глотку...» И теперь вот Алейников тихо спрашивает Засухина: «Почему же так оно идет в жизни, Василий Стенанович?» «Почему, — повторяет он в вопросительной форме засухинские слова, — судьба определила одним песни петь, а другим за горло певцов душить?»

Полагая, что делает «доброе дело», искренно убежден-

ный в том, что никого не хочет «дуть», никому не хочет «забивать песни обратно в горло», и в то же время мучительный главным для себя вопросом, на который не может ответить («И все-таки, Василий Степанович, объясни мне — почему оно так идет в жизни!» «Не понимаю я, Василий Степанович, — почти кричит он, — как она идет, куда она идет!»), Алейников уже не просто просит, он требует, чтобы Засухин здесь же, немедленно сказал ему, почему так все происходит.

И тогда Засухин и произносит те самые слова, которые навсегда запомнит Алейников и почти дословно повторит их Валентину перед казнью: «В мире извечно истина и несправедливость, свет и тьма, ум и глупость, а короче — добро и зло стоят друг против друга. Мил, люди, в семнадцатом году впервые нарушили это противостояние добра и зла. Нарушили, но не победили еще. Мы победим, когда наши идеи, идеи добра, восторжествуют на всей земле. А пока борьба между добром и злом продолжается. Но зло существует вековечно, оно очень цепкое, оно пустолю длинные корни, и борьба с ним будет еще долгой, упорной и жестокой... Но в конце концов победит добро, потому что в этом именно и суть и смысл жизни».

И далее, «Всякая истина, — обращается Засухин к Якову, — и обыкновенная, житейская, человеческая, а особенно социальная — достается людям трудно, тяжело. Конечно, некоторые понимают ее легко, как-то сразу. Но ко многим, очень и очень ко многим, она приходит через страдания и даже трагедию. А есть люди, которые постигают истину только перед смертью, которым приходится платить за ее постижение самой высокой ценой — жизнью. А почему?» И сам отвечает: «Да потому, что, продолжая говорить чуть философски, вот это великое противостояние добра и зла существует в каждом человеке. В тебе, во мне. В Полинове... В каждом человеке! — еще раз подчеркнул он. — И между добром и злом идет постоянная борьба — страшная, беспощадная, безжалостная. А что победит и когда — зависит от многих причин: от среды, в которой воспитывался и вырос человек, от его душевных качеств, а главное, как мне кажется, от его ума, от его способностей воспринимать жизнь, идеи времени. Понимаешь?»

Своим откровением эти слова не только спасли Алейникова от самоубийства, не только обозначили вехи дальнейшего его пути, они потом всякий раз оказывались мерой той истины, за постижение которой Алейникову приходилось платить самой высокой ценой. Так вышло, что

слова Засухина разом ставили все на свои места. И не потому, что жить стало легче. Просто в том выборе, что сделал для себя Алейников, он осознал наконец, на что способен и чего стоит в своих и чужих глазах. И когда пришла пора подводить итоги, когда готовился Яков Алейников принять страшную смерть от рук бандитов Валентика, к нему пришло настоящее душевное спокойствие.

Алейников знал, за что погибает. Этот человек всей своей многотрудной жизнью, прошлой и настоящей, исполненной жестокими заблуждений и мучительных прозрений и всегда социально подвинутой и беспокойной, как бы подтверждал ту правду революции, которая была для него высшей исторической правдой. Перед казнью он думал не о физических муках, немалых по изуверству, которые ему предстояло принять, и не о том, что прожил мало, и не о приемной дочери Оле Королевой думал ее отец Яков Николаевич Алейников, хотя Оля оставалась единственным родным для него человеком на земле. В отпущенные ему последние минуты Алейников продолжал думать о своих прошлых ошибках. «Ошибки были у меня, Валентик. Были... Но больше я не повторил бы их никогда. Не зря говорил: если б заново родиться, знал бы, как состариться». С этим чувством вины, так и не отпущившей его, не сгладившейся в нем, оставшейся с ним до конца, и уходит из жизни коммунист Алейников. И пожалуй, как раз это чувство лучше всего свидетельствует о его искренности, или, если хотите, человечности характера Алейникова, ибо, пройдя «сквозь годы», как «сквозь плети», он полной мерой осознал для себя ту высшую нравственность, во имя которой боролся и умирали герои «Вечного зова». Во имя которой сейчас умирает Яков Алейников.

Недожженные нравственные силы потребовал от Алейникова путь, на который он ступил когда-то. И они у него оказались. Благодаря им он не надломился, выдержал проверку поражением. И поражение требует подвига. И Алейников совершил его, не колеблясь ни на минуту. Ценою своей жизни он выманил банду Валентика из гор...

И еще один подвиг совершил Яков Алейников. Подвиг души, нравственный подвиг. В том противоборстве добра и зла, что существовало в нем, и непримиримой борьбе между ними возобладало, победило добро, совесть, человечность. Конфликт между долгом и совестью, который буквально раздирает его душу, не давал покоя ему на протяжении столетних лет, — этот конфликт не был теперь для Алейникова непреодолимым. Он многое пережил, повеял, вымерил напово

сердцем и разумом, он научился видеть в человеке прежде всего живую душу его, и это сулило в будущем великие плоды, а в настоящем обогатило характер Алейникова пониманием истинных начал жизни.

В борьбе за правду, за идеалы времени, за утверждение достоинства в человеке проходят свой жизненный путь герои «Вечного зова». И каждому из них на этом пути приходится делать нелегкий выбор. И социальный выбор, как это ярко показано на примере судьбы Ивана Савельева, и выбор нравственный, за которым, например, для того же Алейникова стоит не одна бессонная ночь мучительных и напряженных раздумий. Не все из героев «Вечного зова», с которыми читатель проходит трудными дорогами революции, гражданской войны в Сибири, социалистического строительства, наконец, Великой Отечественной войны — на фронте и в тылу — и послевоенного времени, — далеко не все остаются в финале повествования. Но они и те, кто остается после них, кто продолжает их дело, видит смысл своего существования в борьбе за справедливость в историческом социальном противостоянии. В постижении сути и смысла этого противостояния, великого противостояния добра и зла, существующего в каждом человеке и испытывающего всякий раз людей на разрыв, общественного бытия и собственных поступков, заставляющих человека «делать властным и повелительным зов к жизни», и лежит, думается, основная, концентрирующая идея романа Анатолия Иванова, повествующего о трудных дорогах жизни, войны, судьбах людей, чьи характеры выявляются автором на изломе времени. «Именно за постижение людьми, каждым человеком, этой вроде бы простой истины, простого вопроса — как и зачем жизнь свою прожить — и идет на земле такая борьба». В этих словах одного из героев романа как нельзя более четко выражена суть и смысл той художественной задачи, которую ставил и решал автор «Вечного зова».

ГЛАВА
СЕДЬМАЯ

ВЕРНОСТЬ ПАМЯТИ ФРОНТОВОЙ

Как бы ни разнились между собой произведения литераторов, которые сами пережили войну, столь глубоко вошедшую в их судьбу, что они обязаны были обнародовать свое личное свидетельство о ней, несмотря на разные «точки обзора» и различные углы зрения при воспроизведении героических событий прошлого, общим и неизменным остается одно: все писатели исходят в своих книгах из признания факта политического и морального единства советского общества, обеспечивающего победу над гитлеризмом. Мысль о великой сплоченности народа перед лицом общего врага красной диктатурой проходит в литературе о минувшей войне — от самых первых ее опытов, создававшихся, так сказать, по горячим следам, и до дня сегодняшнего, — и это при всех меняющихся художественных формах, примате того или иного жанра в определенный отрезок времени, уточнении и даже переоценке некоторых понятий, фактов, императивов и гипотез, связанных с войной. Одни книги выражают праведный гнев, другие звучат исповедью, третьи наполняются философскими размышлениями или анализируют черты характера советского воина в обстоятельствах сурового времени... Но как бы ни были озабочены авторы поиском единственных, по их мнению, сюжетов, на которых следует сосредоточиться, рассказывая о войне, художественными приемами, которые следует привлечь, гражданскими и нравственными целями, которые следует ставить перед собой в процессе творческого воплощения жизненного материала войны, — всякий раз они ощущают и сознают главную идейную направленность своих книг. А она в том, чтобы как можно глубже, объемнее и достовернее отобразить героизм и подвиги, мысли и чувства тех, кто своей грудью прикрывал родную землю, кто делал все, чтобы приблизить нашу победу.

Несколько лет назад в своем выступлении по радио «Долг перед нацистами» И. Стаднюк говорил, что «произведения